

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Диана Найденова
Стук

Диана Найдёнова

Стук

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44043011

SelfPub; 2020

Аннотация

Если кто-то стучится в дверь – стоит дважды подумать, прежде чем её открывать... Содержит нецензурную брань.

...Я сижу здесь, в вентиляционном отводе, сжимая в руках полупустой пистолет-парализатор. Дальше не пролезть, потому что воздуховод сужается до совсем небольших размеров и уходит вверх. Будь я мышью или даже котом – мне, возможно, удалось бы выбраться и спастись. Из туннеля задувает холодным фильтрованным воздухом, поэтому меня пробирает озноб – на мне только майка и домашние шорты. Гулким эхом по вентиляции разносится металлический стук, повторяющийся каждые секунд десять...

Впрочем, у меня теперь в распоряжении целая вечность, так что обо всем по порядку.

Я программист. Работаю тут уже полгода, поддерживая систему хозучёта и занимаясь мелким компьютерным ремонтом. Здесь всё исполнено на высшем уровне, поэтому почти ничего делать не приходится – знай себе, мониторь показатели серверов да проверяй наличие резервных копий данных. На эту военную базу я попал по объявлению. Самому обычному объявлению на сайте для поиска работы. Нанимателем числилось Министерство Обороны. Мне сразу стало интересно, ведь в объявлении было сказано о вахтенном характере работы. Программист на вахте? Что-то новенькое... Так я тогда подумал и откликнулся. И вот, после пары недель и десятка проверок чёрный вертолет доставил меня сюда. Где мы находились – я не имел понятия. Было очень холодно, а вокруг царила тайга. Тем не менее, территория была

окружена высоченным бетонным забором с колючкой, охранявшим нас не столько от любопытных глаз – вокруг на десятки километров не было ни одной живой души – сколько от холодного завывающего ветра, который, будто пытаясь нас всех отсюда прогнать, постоянно наносил снег из-за периметра, швыряя его в лицо и сбивая с ног резкими порывами.

База была небольшая – вертолётная площадка, казарма для караула, хозблок в стороне, в котором гнездились вспомогательные службы вроде сантехнической, завхозийственной и бухгалтерии, состоящей из двух милovidных барышень лет пятидесяти. КПП на въезде. И от КПП через всю базу напрямую тянулась устланная бетонными плитами дорога, которая упиралась в массивные железные ворота метров шесть высотой. За этими воротами располагался огромный атриум со стеклянным обзорным «аквариумом» под сводом, техническими мостиками и яркими прожекторами по периметру и на потолке. К шлюзу примыкала просторная столовая, постоянно охраняемый арсенал и еще одна казарма с парой технических помещений. Именно здесь, а не снаружи, в солдатской казарме, повезло квартироваться мне. Здесь, в теле горы, в которой был выточен этот бункер, всё было по последнему слову техники, стены блестели металлом, раздвижные двери бесшумно открывались и закрывались, пропуская снующих туда-сюда военных, а белый холодный свет неоновых ламп круглосуточно освещал бурля-

щую здесь жизнь. Телефонной связи не было вообще. Никакой. И выход из комплекса был только один – через массивные железные ворота.

Но самое интересное происходило не в «предбаннике», как мы все его называли, а дальше, в глубине. Зал служил шлюзом, ежедневно пропуская через себя десяток огромных военных грузовиков. Они въезжали в ворота вместе с порывами ветра и снегом, после чего наружные ворота закрывались, и открывались внутренние, двойные. Я никогда не был внутри, но часто доводилось видеть, как две железные плиты толщиной в метр и высотой в десять с мерным гулом медленно отъезжали в сторону. Оттуда неизменно выходил десяток тяжеловооружённых часовых, которые проверяли документы у водителя очередного прибывшего грузовика, досматривали его, после чего пропускали внутрь. За этими плитами виднелся ярко освещённый наклонный спуск, но дальше заглянуть мне так и не удалось – часовые никого не впускали, а плиты неизменно задвигались обратно в широченные пазы...

... Три часа назад случилось ЭТО. Теперь я знал, что это. Откуда? Я просто это знал, как знал и то, что трава зелёная, а небо синее...

... Неожиданно и противно, почти оглушающе закрикала сирена, тёмный зал осветился бледно-красными фонарями аварийного освещения. Я тут же сел на своей нижней койке. Голова ничего не соображала – я уснул совсем недавно, за-

сидевшись с книгой допоздна. Схватил со стола часы. Время три часа шесть минут ночи. Вокруг уже никто не спал – с верхнего яруса свесились ноги Семёна, местного повара. Завхоз Виталий Борисович уже натягивал штаны, а мой напарник сисадмин Вадик, зажав уши, сидел на своей койке и непонимающе смотрел на меня большими глазами. Постоянно присутствовавшая нотка безумия сейчас очень отчетливо проступала в его расширенных зрачках.

Здесь, в состоящей из женской и мужской частей небольшой казарме для «белой кости», как нас называли солдаты, квартировалось всего семеро. Кроме Семёна, Виталия, Вадика и меня в мужской части, в женской ночевали поваренок Маруся – дочь повара (конфликт интересов, скажете вы? Отнюдь, отец и дочь очень гармонично дополняли друг друга, ловко справляясь с синтезаторами пищи, вовремя выставляя блюда на стойки в столовой и содержа её в идеальной чистоте), Мария Фёдоровна и Светлана Александровна – местные бухгалтерши, у которых, как и у любых бухгалтеров, с компьютерами дружба не особенно ладилась, и мы с Вадиком были их верными помощниками в этом нелёгком деле...

Противное кряканье сирены прервалось столь же неожиданно, как и началось. Красноватое аварийное освещение погасло, и мы оказались в полной темноте. Меня пробрал страх. «Что за херня?», – подумал я, стараясь унять дрожь в руках, нащупал очки на тумбочке и нацепил их на нос. Вспыхнули лампы штатного освещения, и стало немного

спокойнее – это, по крайней мере, первое привычное явление за последние секунды. Тишина звенела.

Я натянул шорты, сунул ноги в тапки и встал. Голова была как будто ватой набита, что неудивительно – получается, что я поспал всего лишь два часа. И тут же отзвук от гулко-го железного удара наполнил воздух. Я вздрогнул и оглянулся – со своих коек на меня круглыми глазами смотрели Вадик и Семён. Виталий Борисович был уже полностью одет и, казалось, готов к любому повороту событий. Сразу видно бывшего военного.

Мысленно приободрив себя, я открыл дверь и вышел в небольшой коридор. Постучал костяшками пальцев в соседнюю дверь, оттуда донеслось:

– Нечего стучать, мальчики, мы одеваемся!

Так, девочки на месте... Ещё один гулкий металлический удар... Тут я затрясся как заяц. А тишина, которую прервал звон, растворившись в ней, привела меня в ужас. Я понял, что не так – не было ни единого звука оттуда, снаружи, из «предбанника». Обычно туда-сюда сновали люди, ездили грузовики, но сейчас всё затихло. Сзади мне на плечо легла тяжёлая рука. Я вздрогнул и обернулся – Виталий Борисович произнес:

– Ты чего дёргаешься, Геннадий? Никогда нештатных ситуаций не видал? – улыбнулся, снисходительно похлопал меня по плечу и пошел в сторону выхода к «предбаннику».

Я провожал его взглядом – как он прошагал в сторону две-

ри, приложил свою карточку к считывающему устройству, как эта дверь бесшумно отодвинулась в сторону... Я вытянул шею. Честно говоря, я ожидал увидеть там что угодно, но... Там всё было как обычно, за исключением факта полного отсутствия людей. Виталий аккуратно высунулся из проёма, поводит головой и вышел в «предбанник».

– Здесь никого. Пойдем, попробуем что-нибудь выяснить, – с этими словами, которыми откликнулось эхо большого железного атриума, он вышел из коридорчика и направился в противоположный конец пространства, ко входу в столовую. Мимо меня из комнаты отдыха прошёл повар Семён, как обычно одетый в хлопковый белоснежный фартук. Открылась дверь в женский отсек, откуда выпорхнула вечно весёлая Маруся. Подмигнув мне, она поскакала вслед за своим отцом.

Не вязалась её жизнерадостность с гнетущей тишиной, которая висела теперь в этом месте. Но мне стало спокойнее, так что я медленно двинулся за ними. В дверном проёме я на мгновение задержался – слева, метрах в сорока, возвышалась громадина внутреннего шлюза. Справа, почти рядом, также нависали въездные ворота. Перед ними неравномерно лежал снег, занесённый позёмкой перед тем, как ворота закрылись в последний раз. Я в задумчивости побрел по этому снежку, глядя на следы, оставляемые моими любимыми домашними тапочками, которые я взял в эту вахту...

И тут слева раздался металлический удар, звонким

эхом разнёсшийся по «предбаннику». Звук исходил изнутри шлюза, из-за двух массивных дверей, где что-то стукнуло в дверь. И стукнуло так, что здесь, снаружи, меня как будто пронзило вибрацией металлических стен, отражающих этот звук. Внутри похолодело. Оставшийся десяток метров до входа в восточное крыло я уже бежал, сам того не замечая. Карточкой открыв себе доступ, я ввалился в большой зал столовой, где уже собрался весь персонал. Не было только нерасторопного Вадика. Наверное, он ещё копается в спальне, натягивая свои треники с пузырями на коленях. Вадик всегда контрастировал с этим высокотехнологичным местом – его неделями невымытые волосы, свитер с оленями и потёртые джинсы выдавали в нем админа старой закалки. А из домашнего у него были старые, растянутые синие спортивные штаны, в которых он проводил всё свободное время...

Виталий Борисович ушёл куда-то в глубь технических помещений за кухней, а Семён и девочки взволнованно переговаривались.

– Что происходит? Где все?

– У меня, блин, вопросов не меньше вашего.

– А что это за грохот такой?

– Если бы я знала...

– Надо как-то связаться с внешним миром. Кто-нибудь знает, как открыть ворота?

– Нет, мне солдаты ничего никогда не рассказывали и не показывали. Вообще тут всё очень строго... Но где они са-

ми?

– Неужто сбежали? А как же мы выберемся? Надо позвать кого-нибудь на помощь.

– Ладно, мы пока ничего не понимаем. Давайте успокоимся, разберёмся сначала, а потом уже будем предпринимать какие-то действия.

– Да, Виталий сейчас всё узнает, он вроде как на короткой ноге с военными.

С подавленным видом они разбрелись по столовой. Бухгалтерши сели на металлические стулья у дальнего стола и начали о чём-то перешёптываться. Вид у них был встревоженный. Первый раз я увидел поникшую Марусю, она, прислонившись к стене, уткнулась в телефон. Красивый профиль лица, загорелые плечи, маечка с вырезом, мягкие обтягивающие спортивные штаны... Не будь здесь строгого, опекающего её отца, который теперь скрылся в глубине кухни, я бы за ней приударил... Но я быстро перестал ее разглядывать, потому что новый удар сотряс помещение. Маруся, приоткрыв рот, теперь смотрела на меня округлёнными глазами. Немой вопрос застрял у нее в горле. Я должен был хоть что-то сказать, и сдавленным голосом я произнёс:

– Мася, хотел бы и я знать, что это такое...

Вадика не было. Неужели ему там совсем не страшно одному? Я тут, в компании людей, откладывал кирпичи один за другим, а он в спальне вообще один остался. Или решил

душ принять? А может спит? Серьезно? У меня уже не было сна ни в одном глазу. Преодолевая страх, я вышел в «предбанник». Стараясь не смотреть направо, на вход в подземные туннели, я пробежал через зал и вошёл в коридор жилого помещения. Здесь тоже было тихо, и меня это насторожило. Обычно Вадик, когда не сидел за компьютером и не спал, громко включал на своем телефоне хардрок. Звезды прошлого под гитарные записи пели песни о свободе, мотоциклах, встречном ветре и приключениях. Но сейчас всего этого не было. Я медленно прошёл по коридору и свернул направо, в наше помещение. То, что я увидел, повергло меня в ступор. Я стоял и не мог оторвать взгляд от скрюченного тела Вадика, которое лежало на животе. Лица не было видно, а под ним багровела огромная лужа крови. В руке мёртвый Вадик сжимал кусок битого стекла. Рядом с телом лежала разбитая старомодная фоторамка и валялась фотография покойной жены Семёна, которую тот хранил на тумбочке у своей кровати.

Я как во сне подошёл поближе, присел и заглянул в мёртвое лицо Вадика. Глаза его были широко раскрыты и смотрели с ужасом куда-то в пустоту. Горло было перерезано совсем недавно, минуты три назад, и кровь всё ещё сочилась оттуда, ровным слоем покрывая всё больше места на металлическом полу.

«Это пиздец...». Я сполз по стене. «Вадик, блядь, что ты с собой сделал? Зачем?!». Ответ на этот вопрос мне толь-

ко предстояло узнать. И подсказка не заставила себя ждать – новый гулкий удар сотряс воздух. Раскатистое эхо, затихая на излёте, казалось, произнесло: «Вы обречены». Разум начал мне изменять. Я вскочил и побежал в столовую, к людям. Вылетая из жилого отсека, я споткнулся о порог и с размаху обрушился на железный посыпанный снежком пол атриума. В колене саднило, но я вскочил и, ничего вокруг не замечая, побежал дальше. Влетев в столовую, я обнаружил там всех остальных. Они сидели за одним из алюминиевых столов кружком. Виталий Борисович уже, судя по всему, вернулся из технических помещений, так ничего и не узнав. Они все глядели на меня – в мокрой майке, с разбитым коленом, открывающего рот, словно рыба в попытке что-то сказать. Наконец, мне это удалось.

– Там... Там Вадик умер... Он разрезал себе горло и лежит там, мертвый...

– Что, в каком это смысле разрезал себе горло?! – воскликнул Виталий Борисович, вскочил и выбежал в «предбанник». За ним отправился Семён. Маруся сидела, в панике зажав руками рот, силясь не закричать. Дамы-бухгалтера смотрели в одну точку. Все молчали.

Через несколько минут мужчины вернулись. Лица у них были осунувшиеся и посеревшие. Виталий Борисович как будто постарел лет на десять, Семён, словно загнанный зверь, шарил взглядом по стенам, силясь найти выход, которого не было.

Виталий Борисович подошёл и строго спросил, глядя мне в глаза:

– Гена, ты уверен, что там никого не было? Не мог он себя покровсать, неспособен на это нормальный человек.

– Виталий Б-борисыч, да ты же сам... сам знаешь, что мы тут одни. Некуда отсюда деться, и жилой модуль – это тупик. Никто бы мимо нас не прошёл незамеченным. Да и кому, бля, это нужно?! У кого вообще поднимется рука на доброго беззащитного чудака? Да ещё с такой жестокостью...

По глазам видно было, как рациональный Виталий Борисович силился найти ответ, но не мог. По глазам видно было, что он начал было подозревать меня в совершении этого ужаса, однако ничего нельзя было подвести под эту теорию, и он это знал. Поэтому он опустил взгляд и произнес: «Похоронить бы его, да негде...». После чего направился к женщинам за стол, которые всё это время сидели, глядя на нас и не произнеся ни слова. Грузно опустился на стул и устался в полированный алюминий стола.

Надо было что-то делать, что угодно, лишь бы не сойти с ума. Меня вдруг осенило – в аквариуме под потолком атриума наверняка есть узел связи, я мог бы попытаться вытащить оттуда какую-то информацию. Может быть, даже журнал безопасности или записи переговоров...

– Идёмте, у меня есть идеяка, – с этими словами я вышел в атриум. Металлическая лесенка у стены вела под самый свод, где железный мостик соединял её с «аквариумом», в

котором постоянно находилась пара дежурных. Сейчас внутри было пусто. Я подошёл к лесенке и взглянул вверх. Ну да, метров шесть тут точно будет. Я начал подъём и на середине пути взглянул вниз. Дамы-бухгалтерши смотрел на меня, а Виталий Борисович уже стоял у основания лестницы, готовясь отправиться за мной. Семёна с дочерью не было, видимо они остались в столовой. У мостика, на вершине подъёма меня застал новый удар в шлюз. Страх сковал тело, я вцепился в перила лестницы не в силах пошевелиться. «Что за херня творится? Почему так страшно?..». Перед глазами всплыло лицо Вадика, искажённое ужасом. Собрав остатки сил, я всё же вышел из оцепенения и преодолел последнюю ступень, повалившись на серпантин. Тяжело дыша, я лежал и смотрел в потолок, а тем временем на мостик уже поднялся Виталий Борисович. Он протянул мне руку и со словами «Соберись, боец! У нас ещё много работы», дёрнул меня вверх. Я поднялся и пошёл к аквариуму, держась за перила. Подо мной были метров десять пустого пространства, и, казалось, где-то вдали виднелись два робких силуэта женщин, оказавшихся не в то время и не в том месте...

«Аквариум» оказался небольшим центром управления. Здесь было множество кнопок с непонятными обозначениями, радиоустройство, мониторы для вывода изображения с видеокамер. Я сел во вращающееся кресло и принялся разглядывать центральный пульт видеонаблюдения, переключая камеры. Просматривался коридор жилого отсека, столо-

вая, где за столом, понурившись, сидели Семён с Марусей. Атриум с нескольких ракурсов, и мы с Виталием в аквариуме. Наружные камеры показывали ночную тьму. Там не было видно никакого движения, за исключением метущего снега. Звука не было, но я отчетливо представил, как там, снаружи, завывает одинокий ветер. Вот и ярлычок «Кроличья нора». Неужели камера за шлюзом? Наконец-то я увижу, куда ведет этот спуск! Переключившись на единственную камеру внутри шлюза, которая, по логике, должна была висеть прямо над въездом, я увидел только серую монотонную пульсирующую картину. Казалось, какие-то смутные тени шевелились тут и там, но ничего нельзя было разглядеть, всё как будто заволокло густым дымом. Пожар? Но кто же стучит в шлюз?

Я повернулся к консоли и начал рыться в системе в поиске какого-нибудь лога. Никаких паролей или любой другой защиты не было – видимо, в этом не было нужды, так как рота дежурных никогда не подпускала сюда посторонних, а роту дежурных в свою очередь не пускали вниз – как не пускали вообще никого без спецдопуска снаружи внутрь периметра. Впрочем, пускать было некого – тайга на многие километры вокруг таила в себе лишь диких зверей. Мы постоянно были совсем рядом с военными тайнами, и в то же время они были в полной недосыгаемости...

Из того, что я нашёл и прочёл в журнале безопасно-

сти и графике движения транспорта, выстроилась довольно стройная картина. Внизу таился какой-то секретный комплекс, куда постоянно завозили немаркированные запечатанные ящики с неизвестным содержимым. Некоторые из них были очень большими, некоторые – поменьше. Также частенько приезжало буровое оборудование, какие-то трубы, баллоны с газом самых различных типов и видов. Было похоже, что внизу велись какие-то изыскания по поиску то ли горных пород, то ли минеральных ресурсов, но в эту версию не укладывались запечатанные ящики, которые мне доводилось мельком видеть самому, когда солдаты, приподнимая брезент, исчезали внутри тентов для досмотра содержимого. А ещё тот факт, что наружу ничего не вывозили – грузовики возвращались порожняком.

Так или иначе, жизнь шла своим чередом, но сегодня произошло что-то внештатное, и военный персонал атриума покинул помещение, отправившись внутрь бункера. Серьёзности произошедшему добавлял тот факт, что вниз спустились вообще все, вплоть до дежурных «аквариума». А автоматический протокол безопасности закрыл за ними и запечатал двери – два внутренних шлюза, из-за которых теперь доносился леденящий душу металлический стук, который, казалось, стал чаще – и, что хуже, наружные ворота, отрезав нам путь к отступлению.

Как их открыть, мне было неизвестно. Я нажимал все кнопки подряд, но, похоже, система безопасности отключила

внешнее управление, и оставалось надеяться, что снаружи об этом уже знают, и придут к нам на выручку...

Вдруг что-то затрещало, из селектора рядом с консолью раздался голос:

– Норà-один, приём, как слышно? Норà, отзовитесь... Я знаю, что вы там, кто-то пользуется консолью. Норà, приём, отвечайте...

Мы с Виталием Борисовичем переглянулись. Он снял с держателя коммуникатор и нажал единственную кнопку:

– Заведующий хозчастью Виталий Костенко у аппарата. С кем имею честь?

– Виталий Костенко, это полковник Анисимов, доложите обстановку!

– Здесь никого из штата, только мы, гражданский персонал... Нас семеро, – Виталий запнулся, – То есть, шестеро. Системный администратор Вадим Перминов погиб при невыясненных обстоятельствах.

– Слушайте, Костенко... Ничего не предпринимайте, группа уже в пути, – голос Анисимова звенел от волнения, и куда-то в сторону он произнес, – Алексей, там пиджаки... Да, на твоё усмотрение... Костенко?

– Да, полковник?

– Через часок-другой вас вытащат оттуда, сохраняйте спокойствие.

Коммуникатор пискнул и замолчал. Мы с Виталием снова переглянулись. Он задумчиво произнёс:

– А что там полковник про «пиджаков» сказал в самом конце? Не понравилась мне эта его последняя фраза... «На твоё усмотрение» ... Что может сделать военный человек на своё усмотрение? Применить оружие? Ликвидировать угрозу? Тебе не кажется, что мы отсюда можем не выбраться живыми?

Виталий Борисович, будучи отставным спецназовцем, имел огромный боевой опыт, всегда был рационален и расчётлив, поэтому столь стремительные и страшные умозаключения повергли меня в шок, примешавшись к постоянно нарастающему страху, порождённому мерным стуком изнутри шлюза. Деваться было некуда. «Вы обречены», – крутилось у меня в голове.

– Виталий... Что делать-то?

– Что-что, занимать оборону и готовиться к худшему...

С этими словами он вышел из аквариума и направился к лесенке вниз. «Арсенал!», подумал я. Поскольку теперь никого из военных здесь, в «ящике», не было, арсенал никем не охраняется. Может, вооружившись, мы получим шанс? Я побежал за Виталием.

Спустившись, мы пробежали через атриум к неприметной дверке, возле которой ранее всегда находился часовой. Небольшой коридор привёл нас в комнату со стеллажами и шкафчиками. В комнате царил бардак, на полу валялись пустые коробки из-под патронов, чей-то забытый наколенник, упаковочная бумага. Пустой автоматный рожок одиноко ле-

жал на полке. Также одиноко и несколько неуместно смотрелся тут странного вида пистолет, который не был похож на боевое оружие.

Виталий облокотился на стену и вздохнул:

– Странно было ожидать иного. Они забрали всё. Ну, почти всё, – он подошел к стеллажу, взял пистолет, ловким движением выщелкнул обойму. В ней притаился пяток дротиков с неизвестным составом. Защёлкнул обратно, – Это пистолет-парализатор. Вырубит кого угодно, достаточно попасть в открытый участок тела. Держи.

Он протянул мне пистолет. Я осторожно взял его, взвесил в руке, привыкая к тяжести металла, после чего положил его в карман шорт. По-хорошему, следовало хотя бы надеть штаны, но я просто не мог заставить себя вернуться в жилой модуль, ведь там в луже крови лежал Вадик. И там были его глаза, глядящие в пустоту...

Виталий заглядывал под стеллажи, силясь найти хоть что-нибудь, но безуспешно...

Тишину прорезал пронзительный женский крик, раздавшийся откуда-то снаружи. Виталий молниеносно проскочил мимо меня в коридор и побежал в сторону «предбанника». Взяв пистолет наизготовку, я бросился за ним. Пробежав через атриум, мы влетели в столовую. Теперь настала очередь Виталия потерять дар речи.

На том самом столе, за которым полчаса назад собралась наша небольшая команда, лежала Маруся. Из груди её

торчала ручка огромного поварского тесака для рубки мяса, раскроившего грудную клетку надвое. Со стола мерно капала кровь. Рядом со столом стоял её отец, Семён, с опущенными руками. Он смотрел на неё, и при нашем появлении перевёл взгляд на нас. Взгляд абсолютно пустой, с поволокой, как у трупа. Мы застыли у входа, не в силах осознать происходящее.

Семён полностью развернулся к нам и заговорил монотонным, безэмоциональным голосом:

– Оно поглотило километры коридоров там, внизу, и теперь хочет выйти. Ему тесно. Вы же слышите, как оно стучится, – как будто в подтверждение его словам, очередной удар по шлюзу гулким эхом наполнил воздух, – Ему надо выйти, оно очень хочет познать всех, а не только тех, кто спустился к нему. Оно прекрасно, впустите его в свою душу. Оно покажет вам то, чем вы являетесь **на самом деле**...

Живой труп двинулся в нашу сторону. Крик Виталия прямо над ухом «Гена, выруби его!» вывел меня из прострации, я вскинул руку, направил на детоубийцу ствол и нажал на спуск. Дротик просвистел над его плечом, а Семён всё также спокойно шёл в нашу сторону, опустив руки. Второй выстрел настиг цель, дротик попал прямо в шею. Повар замер на мгновение, покачнулся и рухнул на металлический пол столовой.

Сжимая пистолет в руке, я стоял и не мог пошевелиться. Виталий подбежал к мёртвой Марусе, но невооружённым

взглядом было видно, что уже поздно что-то делать, и он просто отошёл в сторону, не в силах на неё смотреть. «Что же это за пиздец-то такой? Это дурной сон? Кошмар? Я схожу с ума?». У меня не укладывалось в голове происходящее. В ней шумело и свистело, соленый запах чужой крови, казалось, въедался в кожу. Я сел, прислонившись к стене. Виталий молча курил, отвернувшись от меня и разрубленной Маруси, распростёртой на столе. Было слышно, как он тихо всхлипывает, его плечи вздрагивали. Всклипы прерывались периодическими мерными ударами по металлу. Стук теперь повторялся почти ежеминутно. Семён лежал на полу там, где упал, тихо дышал и смотрел на меня мёртвыми глазами.

Через несколько минут, докурив вторую, Виталий наконец подошёл ко мне. Глаза его были влажные, он произнёс дрожащим голосом:

– Слушай, парень, ты мне скажи... Это ведь не сон, правда?

– Нет, я тоже всё это вижу своими глазами...

– Значит, мы не спим. И не сошли с ума, так? По крайней мере, пока.

– Не знаю, я, наверное, уже сошёл...

– Отлично. Значит, мы теперь не ограничены ничем. Мы теперь можем верить вообще во всё что угодно. Я не знаю, кто это был, но точно не Семён. Это было что-то другое. Как он сказал – «оно»? – он махнул рукой в сторону атриума.

– Это был пиздец, вот что. Я не верю во всяких там бара-

башек и привидений, но меня не покидает чувство панического страха. Чувство, что если тот большой шлюз откроется... Я даже не представляю, что тогда будет...

– Именно. И скоро здесь будут военные. Я не знаю, что имел в виду тот полковник, но мы не можем позволить им открыть этот шлюз.

– И как ты собираешься им помешать? – я взглянул на пистолет-парализатор в своей руке.

– Не знаю. Как угодно. Но мы не можем им этого позволить.

Следующие минут пятнадцать мы просто сидели рядом, прислонившись к стенке.

Внезапно погас свет. Стало невыносимо жутко осознавать, что где-то рядом, в полной темноте лежит раскроенное тело, а рядом с ним, недвижимо лёжа на полу, полупустыми глазами на меня смотрит убийца собственной дочери. Долго ли он так пролежит? Как скоро паралич прекращает действие? Слышалось тяжёлое дыхание Виталия, который был рядом.

Из атриума появился новый звук, механический, скрежещущий. Виталий чиркнул зажигалкой, робкий огонёк осветил его лицо. Произнёс:

«Они обесточили предбанник и теперь пытаются открыть наружные ворота вручную. Ты готов?»

Я молча отрицательно помотал головой. Слова не давались. Чувство паники навалилось на меня:

– Виталий, нам надо спрятаться! Они не должны нас найти!

– Спрятаться надо тебе. Держи! – он протянул мне зажигалку, – Иди за кухню, там есть технический коридор, найди укрытие, а я буду вести переговоры. Спасайся, обо мне не думай.

Я зажёл огонек и медленно двинулся в сторону кухни, обойдя недвижимое тело Семёна и стараясь не смотреть в сторону Маруси. Со стороны атриума сквозь скрежет отодвигающейся двери раздавался свист ветра, к которому примешивались резкие крики и топот ботинок. Тут же зажёгся свет, ударив по глазам. Я в несколько прыжков преодолел расстояние до входа в кухню и затаился за стойкой. Почти в ту же секунду в столовую ворвался десяток тяжеловооружённых солдат с автоматами наизготовку, тут же окружив Виталия, прислонившегося к стене напротив входа. Трое отделились от группы и теперь осматривали обездвиженного повара и его жертву.

– Встать! Руки держать на видном месте, – солдаты обыскали Виталия. – Где остальные? Кто еще с тобой?

– Вот лежит повар, вот его дочь. Мертвый компьютерщик там, в жилом помещении. Тут где-то ещё две барышни из бухгалтерии были...

– Садись, – один из солдат махнул автоматом в сторону алюминиевого стола посередине кухни. Виталий сел за стол, двое встали по сторонам от него, третий – напротив, а

остальные, почёсывая шлемы, разглядывали результаты кровавой бойни.

За этим увлекательным занятием их застал вошедший офицер, единственный среди всей группы без тактического шлема и маски. На его голове был чёрный берет. Следом за офицером ещё одна группа солдат ввела в помещение двух бухгалтерш. Похоже, нашли их в жилом отсеке. Увидев мёртвую Марусю, одна из них упала на колени и горько зарыдала. Вторая оказалась более стойкой, и лишь прижала руки к лицу.

Их обеих усадили по обе стороны от Виталия, который держал руки под столом и смотрел вниз. Офицер пододвинул стул и сел напротив. Прислушался к стуку из-за шлюза и поднял вверх палец в кожаной перчатке:

– Слышите этот звук? Новое начало... Виталий Костенко – это вы? – спросил он, не обращая внимания на рыдающих женщин.

– Я.

– Понимаете, что происходит?

– Догадываюсь.

– Я буду предельно откровенен с вами, потому что вам не повезло оказаться не там и не в то время. Мне приказано избавиться от гражданских, причастных к этому проекту, поэтому я вынужден приговорить вас к смерти. Это плохая новость, но есть и хорошая. В какой-то мере вам повезло – вы станете свидетелем величайшего открытия современно-

сти. То, что мои сослуживцы искали там внизу, наконец-то найдено. Это позволит нам полностью изменить баланс сил на планете в свою пользу...

В ходе повествования офицер все больше воодушевлялся, расписывая перспективы новых военных побед, мощь новейшего оружия, в сравнении с которым ядерное превратится в детскую погремушку. Виталий всё это время молча и без движения смотрел вниз, в одну точку. Тем временем со стороны атриума доносились неразборчивые короткие команды, отдаваемые зычным голосом. Что-то грохотало, слышался рёв моторов. Там снова закипела жизнь, но на этот раз с жизнью она не имела ничего общего.

Офицер встал со стула и подошёл к Виталию сбоку.

– Костенко, у вас есть последняя просьба?

– Да. Не открывайте эту дверь. Вы понятия не имеете, что там.

– Отклоняется. Во-первых, у меня есть приказ. Я обязан открыть эту дверь. Во-вторых, мне самому интересно, с чем мы имеем дело.

...Виталий, чьи руки всё это время были под столом, сделал резкое движение, и в глаз офицера впиалась вилка. Офицер с диким криком повалился навзничь. Один из стоявших рядом солдат со страшной силой ударил Виталия прикладом в висок, и тот, вместе с Марией Фёдоровной обрушился на пол. Солдаты стали забивать Виталия прикладами автоматов. Громкий отчетливый звук хрустнувшего черепа

как стрела пронзил моё сознание.

У меня перехватило дыхание, и я, пригнувшись, начал пробираться через кухню в сторону технических помещений. Перейдя на бег, я задел какую-то кастрюлю, и она с грохотом повалилась на пол. Оглядываться было нельзя, и я нёсся по узкому петляющему коридору, выискивая неприметную подсобку с уборочной утварью. Позади уже был слышен топот тяжёлых кирзовых сапог. Вот она! Я нырнул через низкую неприметную дверь и устремился в дальний угол, где притаился спасительный вентиляционный лаз. Обдирая руки, я со скрежетом снял решётку и полез внутрь. Я знал, что воздух сюда поступал откуда-то с поверхности, и это был шанс выбраться наружу. Морозный воздух разносился по вентиляционным штрекам, продувая мою скромную одежду насквозь, но это было неважно – нужно было просто выжить. Поворот... Ещё один... И вот лаз сужается, переходя в несколько небольших трубок диаметром примерно со студенческий тубус. Оттуда морозные струи воздуха под напором стихии заходили сюда, в бункер, чтобы разнестись по нему и, пройдя через теплофильтры, наполнить помещения свежестью.

Я сижу здесь, в вентиляционном отводе, сжимая в руках полупустой пистолет-парализатор. Дальше не пролезть, потому что воздуховод сужается до совсем небольших размеров и уходит вверх. Будь я мышью или даже котом – мне, возможно, удалось бы выбраться и спастись. Из туннеля за-

дувает холодным фильтрованным воздухом, поэтому меня пробирает озноб – на мне только майка и домашние шорты. Гулким эхом по вентиляции разносится металлический стук, повторяющийся каждые секунд десять. Я просто знаю, я прочёл это в глазах Семёна – к тому моменту, когда военные откроют шлюз, мне лучше быть мёртвым. Все отчётливее слышимый шёпот в моем сознании говорил, что тогда живые будут завидовать покойникам. Я покрутил в руках бесполезный пистолет-парализатор...

Что-то изменилось. Я прислушался – только ветер завывал в узких вентиляционных лазах. Стук прекратился...

В оформлении обложки использована фотография Carlo R. с сайта <https://www.sightraider.com> по личной договорённости с автором.